ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

11

2008

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Похвала несуетным пешим походам по донской земле.

- Борис Екимов
  -

Борис Екимов
ПЕШИЙ ПОХОД

В нынешнем году, в середине февраля, поутру приехал я на автобусе в станицу Голубинскую, вышел на окраине, возле церкви и кладбища, и продолжил теперь уже пеший путь с рюкзаком за плечами.

Дорога была знакомая: много лет здесь ездил, ходил. Но всегда по теплу: летом ли, осенью. Теперь стояла зима. И путь мой лежал вначале берегом, а потом замерзшим, заснеженным Доном: от Голубинской станицы к хутору Малоголубинскому, а потом — к Большому Набатову, где ждали меня к обеду ли, к ужину — как доберусь.

А мне спешить было некуда. На то и пеший поход. Тем более что день поднимался светлый, солнечный. И первый же прибрежный курганик ли, холм остановил меня своим необычным видом. Зимнее солнце поднялось невысоко над задонским лесом, и в лучах его курган сиял переливчатым многоцветьем. Ночь была мягкой, утро приглядное, с куржаком да инеем на деревьях, высоких травах. Но такого сияющего многоцветья не приходилось мне прежде видеть. Прибрежный холм светил, переливаясь огнями волшебными. Зрелище словно неземное.

Поглядев, удивляясь и радуясь, стал я взбираться на курган, чтобы понять, в чем разгадка такого чуда. Иней, куржак ли просто искрится. А здесь — другое, и оно оказалось простым. Стоило лишь на холм подняться, прилечь, внимательно приглядеться. На склонах, на обдутом ветрами темени кургана сухая полынь не только заиндевела игольчатой белью, но в малых развилках-веточках держала крохотные, тонкие, будто слюдяные, пластинки льда. Эти малые «зеркальца» и отражали солнце, переливаясь, сияя. Их было много и много. Зимний утренний праздник, какой редко увидишь. Он и длится недолго. Повезло мне уже на первых шагах. А впереди еще долгий путь: береговая дорога с единственным машинным следом. Люди здесь редко зимой ездят, а пешком и вовсе не ходят.

Недолгий путь посуху до глубокой Зимовной балки. От нее берег круто вздымается к Городищу, к Стенькину кургану; там нынче гибельные переметы, снега и снега, не пробьешься. Надо сворачивать на лед, Доном идти, замерзшей рекой. Слева — крутой обрывистый берег, справа — займищный лес в зимнем индевелом молчании. Вот и пойдем потихонечку. Куда в этой жизни спешить…

В поселковом моем житье-бытье, в нехитрых обыденных походах: в магазин ли, к базару, к донскому берегу или просто за новостями — из года в год, привычно уже, слышу один и тот же вопрос:

— Чего не на колесах, не на машине? — И тут же сочувственные догадки: — Поломалась? Или бензин дорогой?

Отвечаю тоже привычно, с усмешкой:

— Ноги еще, слава богу, носят. Ехал бы на машине, так мимо пролетел. Не поздоровались бы, не погутарили.

Одни меня понимают, другие не очень. Хотя в ответе моем — никакого лукавства.

При нужде сажусь я за руль. И тогда порою встречные машины мне посигналят или фарами мигнут: называется — поздоровались добрые люди. Но кто они? Разве успеешь разглядеть?

Старинный приятель мой, калачевский житель, — завзятый рыбак и любитель задонских походов, поездок на своей малютке «Оке» как-то мне посоветовал:

— Тебе тоже нужно именно такую машину, «Оку». Во-первых, она быстро не едет, а во-вторых, низко сидит, каждую травочку видать.

— А еще лучше пешком, — ответил я.

В свое время, по молодости, пешим походом прошел я в Задонье многие и многие версты. Еще стояли живые хутора Евлампиевский, Найденов, Теплый, Осинологовский да Липологовский, Большая Голубая. В летнюю пору, с ночевьем где-нибудь в приютном месте, возле родника. Многое из тех походов помнится и теперь: могучий, сияющий в солнце, рокочущий водопад Фоминколодского родника; речка Голубая, ее светлые галечные журчливые перекаты да тихие омуты; просто — степь, и просто — полевая дорога; долгий багровый закат и августовская, уже прохладная ночь в сиянии звездных огней.

Позднее поколесил я по миру: Европа да Азия, в Африку заглянул, добрался до Америки.

Но в памяти от тех давних поездок осталось немногое. Смутно, почти стираясь, помнятся большие города, друг на друга похожие. Намного яснее вспоминаются городки невеликие, улицы которых мерил ногами: американские Санта-Фэ да Таос, Пенне в Италии, где ноябрьским ясным днем пил кофе на просторной веранде. Рядом цвели розы. Вокруг зеленела долина, уходящая к морю. И совсем близко вздымались к небу горные заснеженные вершины. Это — в ясной памяти. И там же прогулка к храму вверх и вверх по узким улочкам, одна из которых носит имя Данте Алигьери. На тесаных каменных ступенях храма так хорошо

греться под солнышком в безлюдье, тишине и покое. Синий прозрачный воздух, зелень, заснеженные горы.

И еще одни горы, но в Америке, Кордильеры. Там, высоко и далеко, раскидистое дерево, а под ним — скамейка, на которой сидел, озирая страну горную, лежащую у ног, и вровень со мной, и много выше.

Все это — в памяти на всю жизнь. Иное стирается: всякие глупости, вроде египетских пирамид, Эйфелевой башни, высоких статуй по ту да по эту сторону океана. Любая горная вершина… Да что вершина, любой невеликий курганик возле Дона ли, Волги, Любкин да Хорошев, он выше, величественней и, конечно, прекрасней бетонных монументов, потому что живой.

Вот он — Стенькин курган, вздымается, закрывая полнеба, широкогрудый, могучий, в сияющей под солнцем индевелой седине. А какой простор открывается с его вершины!.. Донская вода, прибрежные леса, луга, череда озер, стариц, ериков, золотистые пески, поля, пастбища, далекие хутора — из края в край, на полмира.

Но теперь мой путь у подножья кургана, по застывшей реке.

На картах этот курган именуется Городище, то есть древний город. Археологи там копались, находили каменные топоры да наконечники стрел. Когда-то по этим берегам стояли леса непролазные. Охотился древний народ. А еще — воевали. Те далекие войны для нас — детская забава. Палица, дубина, каменный топор, копье. Вот он, «прогресс человечества», как на ладони: копьем одного человека можно убить, мечом да саблей — поболее; потом — порох, мушкет, кремневое ружье, винтовка, пулемет, динамит, снаряды, бомбы да мины. Последняя война, Отечественная, погуляла по этой земле уже не с копьем, а танками, самолетами, бомбами, пулеметами, пушками и прочим «прогрессом». Народу здесь полегло, что травы. Цвела земля кровью да ржой.

Старики, женщины, дети спасались от погибели в земляных норах у подножья этого кургана, в Зимовной балке. Но не дай бог, война новая, теперь и в норах не спасутся. Атомные, водородные да нейтронные бомбы. Все воюем, воюем… А земли все больше пустой, безлюдной. Вот она — на многие десятки верст.

Такие вот странные мысли… А куда от них денешься? Тем более здесь, в дороге, по пустынной замерзшей реке, по хрусткому снегу. Впереди — бело и позади — бело. Погожий день разгорается. Зимний займищный лес молчалив. Птица — в отлете да у жилья человечьего, где прокормиться легче. Лишь орел-белохвост высматривает добычу. Солнце сияет в белом веере перьев.

Позднее у Малоголубинского хутора видел еще пару орлов. Они кружили и кружили высоко. Доносилось нежное: «Крэк-крэк… Крэк-крэк…»

Значит, близко весна.

Берег горный, высокий, по-зимнему темен, суров. А по берегу луговому займищному вербовые заросли, талы в солнечном дне уже розовеют и рдеют, наливаясь весенним соком.

Позднее, в один из дней хуторского гостеванья, в утренний час увидел я на коньке сарая хохлатого жаворонка. Вернее, сначала услышал, себе не поверив. Две ночи подряд было морозно, утром на термометре минус двадцать семь. Но вдруг слышу негромкую жаворонка трель: «Тюрлю… Тюрлю-лю… Тень-тень…» Сидит на коньке сарая и пожуркивает, словно вспоминает: не забыл ли за долгую зиму песню свою.

Пасмурное утро. Снежок перепархивает. Нынче вроде оттеплело. Но — зима. Снег лежит. На Дону — метровый лед. Лунку бурить — взопреешь. А жаворонок поет вполголоса. Значит, весна уже недалеко.

Но это было потом, уже на хуторе, где я пробыл неделю. Понемногу рыбачил на речке Голубой, в Голубинском заливе, на Устье. Ходил да бродил по местам знакомым, по людям, которых давно не видал. Их осталось так мало — старых людей на умирающем хуторе. Каждый год на кладбище — новые могилы. Кладбище просторное. Много земли.

На склоне дня обычно выходил я к Дону. Рыбачил ли, просто бродил. Но к вечеру выбирался к донскому простору. Порой было ветрено. По Дону, по льду идет верховая метель дымными вилючими столбами или низовая кура струится змеистыми ручьями, обтекая заструги. Ветрено. Но в затишке, у берегового кургана, уютно.

Все ниже опускается солнце. Синие сумерки туманятся, помалу густея в береговой гущине голых деревьев, растекаясь и полоняя ледовый простор. От земли быстро темнеет. Окрестность на глазах умаляется. Чернолесье все ближе. И лишь над холмами в разрывах облаков еще светит белое солнце и голубеет небо, потому что февраль на исходе и скоро придет весна.

Ночами трещал мороз. Сороки сбивались к дому, ночуя под застрехами да в сараях. Дни стояли тихие, ясные, по утрам в сияющем розовом инее.

Собираясь в обратный путь, я загодя радовался: по морозцу да с солнышком хорошо шагать. Но человек лишь располагает. Ночью оттеплело, день поднимался пасмурный, повалил снег.

— Может, останешься? — предложил мне хозяин. — Завтра должна быть машина. А то завалишься где-нибудь, заметет…

— Это вас заметет, — усмехнулся я, вспоминая, как выбирался отсюда же в такую погоду на своей «Ниве» да еще два трактора мне помогали.

— Гляди… Хозяин — баран, как говорят калмыки.

А вот глядеть было вовсе некуда. Когда я вышел на Дон, снег повалил гуще. Вокруг — мутная бель. Ни лесистого займища не видать, ни высоких обрывистых холмов. Снег под ногами мягкий, шагов не слыхать. Глухая тишь.

На малом хуторе даже в такую пору что-то да прозвучит, звякнет, прошелестит. Там — птицы, собаки, кошки, живые люди.

А здесь — обложенная густым снегопадом мертвая тишь. С непривычки не по себе делается. Встанешь. Ни звука. Лишь порой еле слышное царапанье снежинок по жесткой ткани куртки и башлыка. Еле слышное.

Под ногами — прикрытый снегом толстый метровый лед. Под ним — темная текучая вода. У самого дна, во тьме, в зимовальных ямах стоят недвижные рыбы. Все — немое, глухое, беззвучное. Лишь порою пушечно треснет лед, разрывая тишину и — от берега к берегу — тяжелый панцирь.

В лесу даже в тихую пору ветка треснет, лист сухой прошуршит, легким гулом ли, шелестом пройдет верховой ветер. В чистом поле порой шевельнется сухая былка, полевая мышь пробежит.

А здесь — ни птицы, ни зверя… Речное русло, укрытое низким небом, берегами и снегопадом, который все гуще и все ближе обрезает округу, смыкая глухую тишь, шаг за шагом.

Но этот белый плен нынче вовсе не в тягость, потому что вокруг на многие километры все свое: земля, вода, небо. Нынче под ногами — метровый лед, еще и снегом прикрытый, а вспоминается, видится то весенний разлив, когда бушует вода, подмывая береговые кручи, то осенний покой реки, ее стылость и хрустальная прозрачность на песчаных отмелях. Малые озера теперь вовсе в плену: Круглое, Песчаненькое, Бурунистое; рядом, по левую руку, — Крестовка. Там лишь в бобровых хатках да в подводных кормилищах еще теплится жизнь. Нынче замора не миновать, много погибнет рыбы. Бывало, все вместе шли да ехали на озера, бурили, били лунки да майны, чтобы рыба дышала. Но это — в прошлые годы. Нынче хозяина этой земли нет. На хуторе одни старики доживают: Михаил Гаврилов, Панкратьич, баба Ксеня, Александр Адининцев со своей Катериной — они последние.

Всякий раз, когда покидаю хутор, появляется мысль: «Не навсегда ли?..» Нынче тем более. Товарищ мой проводил меня к берегу, попрощались. Я спустился на лед, и тут же разлучила нас

тихая густая пелена снегопада.

— А волков не боишься? — глухо донесся голос от берега.

Лишь хохотнул я в ответ. Чего нам теперь бояться, в семьдесят лет? Разве что неизбежного расставанья с близкими и с этой землей. Но об этом думать — дело пустое, только душу травить. Лучше шагать и шагать помаленьку, стариковским неторопким ходом.

Где-то там, в снежной невиди, Желтый мыс. Сколько раз на нем ночевали, костерик жгли, летовали. Желтый мыс, потом Большой Куприянов да Малый, Частенькие балочки, потом хутор Малоголубинский, там славные люди: Будановы, Чоков, Сашка-доктор, конечно же Чекунов, который сколько раз выручал меня, когда намертво застревал я в осенней грязи да в снегах на своей машинешке.

Возле хутора — речка; и снова — курган за курганом, пока не зачернеет вполнеба могучее Городище и темной тучей подступит голубинское займище, Остобная.

До них еще шагать и шагать. Час, другой, третий… Спешить не надо.